

сведений, продолжать абстрактно, а не «клипово» мыслить, интуитивно сомневаться в единственно правильном решении поставленной проблемы, сохранить целостность знания, а не хаотичные бессознательные и отрывистые мыслеформы? Как сделать образовательный процесс ценностно-рациональным, мотивированным, направленным на подготовку преобладающего количества обучающихся в условиях развития современных цифровых технологий, но при сохранении их личного мировоззрения, индивидуального творчества, возможности конкурировать с другими обучающимися, а не с искусственным интеллектом?

Большинство ученых сходятся во мнении, что элитарное образование будущего в условиях цифрового пространства – это опережающее образование, где индивидуальная подготовка профессионалов, умеющих действовать в нестандартных ситуациях, не боящихся изменений, несущих ответственность за результаты своей деятельности, осуществляется с использованием современных научно-технических технологий и инноваций, но все также точно, по крупицам, с четко обозначенной целью, где управление мотивацией, траекторией обучения осуществлять будет искусственный интеллект, но на основе индивидуальных данных обучающегося и истории его личностного развития.

УДК 340.115

В.Н. Матарас, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В учебниках истории государства и права описание формализованных норм права из прошлого составляет фундамент всего последующего изучения государственно-правовых явлений. Однако научный объект исследования – это не только исторически зафиксированное и формально-определенное явление, но и все то, чему в силу сложности и латентности исторического феномена не уделяют должного внимания. Историко-правовое исследование включает в себя многообразие наблюдаемых в первоисточниках нормативных правовых установок системы правопорядка.

Историки права не могут заметить существовавшей в историческом прошлом реальной системы правопорядка, если объект их изучения – создание ума и рук человеческих – институты и формальные нормы

правовой системы, которые могут дойти до нас, а могут и не дойти, т. е. либо сохраняться, либо не сохраняться. Но даже если они уцелели и дошли до нашего времени, применение только филологического метода в исследовании к существовавшему когда-то правопорядку приводит к упрощенному взгляду. Формальные нормы права, отслоенные от среды условий функционирования, имеют свою внутреннюю логику и вне связи с историко-правовым прошлым социокультурной системы становятся спекуляцией слов.

Термины и формальные нормы, принятые ранее в системе правопорядка, объективно наполняются со временем новым содержанием или становятся статично умозрительными. Следовательно, мы видим только часть системы правопорядка в виде записанных и сохранившихся формальных норм, но не всегда понимаем, почему они были приняты и функционировали ли эти нормы вообще.

Большая часть исследований истории римского права содержит только историю догмы, т. е. законодательства и оставшихся норм, а не исследование системы правопорядка, как она существовала в действительности. Исследование догмы права лишается при таком подходе своей связи с фактическим миром состояния коллектива, в котором она находила условия своего существования.

К этому присоединяется еще и тот факт, что источники, из которых исследователь должен черпать свой материал, являлись догматическими работами для своего времени, и в них, разумеется, не встретишь той реальной системы правоотношений. Причина в том, что их создавали для своих современников, а не для будущих историков права, и поэтому не было необходимости описывать всю римскую жизнь. Для них она была и так понятна, а для нас это и есть неясный и искомый срез знаний, определяющий основания функционирования той или иной позитивной нормы.

Что мы видим, кроме текстов норм? Это не предмет, а границы предмета. Историю фиксации правовых норм как цепочки событий мы наблюдаем постоянно. Следовательно, история позитивных норм права – это граница социальной формы движения через фиксацию формальных норм права. Исследователь всегда видит реальные вещи – явления формальных норм, но не соотношения между ними; он наблюдает элементы системы правопорядка, а не системные связи, которые, как известно, составляют основу любого феномена, особенно при его исторических трансформациях.

Предметное исследование характеризуется тем, под каким углом зрения, в каком аспекте и умозрительном срезе рассматривается данный объект, зачем, для чего, с какой целью мы изучаем данный феномен, что

хотим в нем узнать и понять. Если мы исследуем только формальную норму, то здесь предмет и объект совпадают. Но поскольку исторический феномен системы правопорядка всегда сложное явление, то применение предметного метода приводит к искаженному пониманию феномена. Тогда исследование из живого исторического понимания творческих процессов в истории уходит в спекуляцию слов и желательное понимание истории, а истолкование путем спекулятивной философии не дает ответа на вопросы и не приносит научного результата.

Взгляд историка права должен быть направлен прежде всего не на юридические нормы и формулировки минувшего времени, а на их действительную правовую и функциональную составляющие во всей их целостности и взаимосвязи, и только тогда первые никогда не покажутся ему изолированными. Обычный историко-филологический метод не всегда дает ответ на поставленные вопросы. Цитирование формального источника права также не заслуживает доверия, пусть даже аутентичного. Только сводка достаточно большого числа эмпирических фактов позволяет начать поиски логики событий, т. е. их внутренней связи. И обнаружение связей дает возможность проникнуть в глубину закономерностей системы правопорядка и его правовой системы.

Первичным элементом информации являются не отдельно взятые эмпирические факты правовых норм (как фотографический снимок), а определенная совокупность фактов, создающая картину, отражающую особые свойства и характеристики системы правопорядка исследуемого времени, в силу наличия характерных связей, возникающих между элементами правопорядка.

На уровне эмпирического факта мы применяем методологию естественных наук, а на уровне эмпирических обобщений, анализа и синтеза мы учитываем методологию гуманитарных. Возьмем записанные формальные нормы, доставшиеся нам из прошлого, и наложим их на ту социальную, этническую и культурную среду состояния коллектива, где они функционировали в определенном времени и пространстве. Это многообразие отдельных эмпирических фактов должно укладываться в определенную закономерность системы правопорядка определенного масштаба.

Только обращение к эмпирическим обобщениям в системе исторического процесса правопорядка ориентирует на поиск наиболее значительного, позволяет выйти за рамки узко утилитарного и исследовать процесс в приемлемом объеме исследования.

Для правовых наук – это задача методологии исторического исследования системы правопорядка с изображением всей целостности своего феномена, где институты власти государства, памятники права, право-

вые отрасли, институты и термины права рассматриваются лишь как фрагменты целого.

Для этого мы применяем системный метод по источнику получения информации, где путем верификации фактов и их эмпирического обобщения мы получаем достаточно объективное понимание явления правопорядка. Так как история правопорядка – не точное математическое знание, а всегда имеет допуск погрешности между алгоритмом формальной нормы и реальным сложносоставным функционированием, то история системы правопорядка может быть прочтена с учетом теоретической интерпретации в пределах допуска.

УДК 1(091)(430)

А.А. Маткина, преподаватель кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Ф. ШЕЛЛИНГА И ИХ СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Одна из главных духовных потребностей человека – эстетическое наслаждение от созерцания гармонии природы, красоты человека и создаваемых им произведений искусства. Чувство прекрасного необходимо на каждом этапе становления личности, оно заставляет человека гармонично развиваться и реализовывать себя. Прекрасное, как и добро, и истина, неизменно выступает в составе исходной триады ценностей, которые представляют фундаментальные основания человеческого бытия. Красота побуждает в нас творческие способности, благодаря ей мы создаем художественные ценности. Все это приобретает особую ценность в современном мире, в котором стремительно и быстро развиваются новые технологии, часто способствующие снижению творческого потенциала мышления. Кроме того, в условиях системного кризиса, который охватил современный социум, и проявлением которого явился духовный кризис, проблема ценностей становится чрезвычайно актуальной. Для данного этапа социального развития характерно не только обострение противоречий экономического, политического, идеологического характера, но и прямое и крайне ожесточенное противостояние различных ценностных систем.

Смещение акцентов ценностной системы с духовной составляющей на материальную привело к формированию у молодежи, в том числе и среди студентов университетов, потребительского отношения ко всему,